В. В. Каминский

Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской Академии Генерального Штаба из Екатеринбурга в Казань 23–24 июля 1918 г. (часть I)

Каминский Валерий Владимирович,
*Ph. **D. истории***
(Ашдод, Израиль);
svkamin@zahav.net.il

В процессе изучения социальной истории русского Генштаба первой трети прошлого столетия внимание автора этих строк, среди прочего, привлекли обстоятельства эвакуации большевиками в 1918 г. Николаевской Академии Генерального Штаба (далее — АГШ) сначала из Петрограда в Екатеринбург (март), а оттуда — в Казань (23–24 июля). Специфика этой эвакуации заключалась в том, что, попав в Казань (к началу августа), часть персонала АГШ и определенное количество ее студентов оказалась в распоряжении «белого» Комитета членов Учредительного собрания (далее — Комуч) и его Народной Армии.

Интересно, что в приказе большевистского Наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об эвакуации АГШ (№ 162 от 21 июля 1918 г.) было ясно сказано, что «всякая попытка отдельных членов личного состава академии проникнуть на территорию, занятую чехословаками, будет рассматриваться как измена и караться по законам военного времени»[1]. Однако специфика ситуации в том и заключалась, что на самом деле не преподаватели и студенты АГШ в начале августа 1918 г. «проникли на территорию, занятую чехословаками...», а наоборот — чехи стремительно захватили территорию, где оказалась в данное время Академия!

В мемуарной и в современной научной литературе относительно проблемы эвакуации части персонала и студентов АГШ в Казань (23–24 июля 1918 г.) и их «перехода» на сторону Комуча в начале августа того же года утвердилось явно искаженное представление. Так, из воспоминаний профессора АГШ М. А. Иностранцева можно заключить, что находившийся к середине июля 1918 г. в Екатеринбурге персонал АГШ будто бы только того и ждал, чтобы «удрать от большевиков» и «перейти

© В. В. Каминский, 2012

в распоряжение противобольшевистских сил». Российский историк В. М. Войнов утверждал, что «...офицеры старшего курса АГШ в начале августа 1918 г. перешли во главе с Начальником Академии А. И. Андогским на сторону белогвардейцев», и что «слушатели старшего курса, набранные в дореволюционных условиях, в подавляющем большинстве были враждебно настроены по отношению к Советской власти». Крайне политизированная версия «измены» академиков большевикам в Екатеринбурге и Казани летом 1918 г. прочно закрепилась и в современных российских академических изданиях. Так, в одной из провинциальных российских энциклопедий историки В. М. Войнов и И. Ф. Плотников в статье «Академия Генштаба» заявили дословно следующее: «...АГШ частично была эвакуирована в Казань, там и в Екатеринбурге преподаватели и слушатели, перейдя на нелегальное положение, скрывались до взятия города войсками Народной Армии Комуча». Не избежал предвзятого «политизированного подхода» в указанном вопросе и известный российский военный историк А. Г. Кавтарадзе. Он пытался внушить читателю, что «накануне падения Казани (5 августа 1918 г.) профессорско-преподавательский состав Военной академии (АГШ. — *В. К.*) во главе с ее начальником А. И. Андогским в полном составе отказался принять участие в обороне города от наступающих белогвардейских войск, поставив себя тем самым в положение противников Советской власти». Наконец, современный британский историк И. Модсли утверждает, что в 1918 г. из всех случаев «переходов» бывших офицеров из РККА в «белый» лагерь «...наиболее выдающимся явлением стало массовое дезертирство в Казань преподавателей и студентов Академии Генштаба»[2].

В настоящей статье автор пытается выяснить те реальные обстоятельства, которые сопровождали эвакуацию АГШ из Екатеринбурга в Казань в 20-х числах июля 1918 г. и «переход» ряда представителей ее персонала и студентов на сторону «белого» Комуча в августе того же года. Автор одновременно предполагает, по возможности, прояснить дальнейшие судьбы некоторых преподавателей АГШ.

Беспристрастное исследование различного рода документов заставляет серьезно усомниться в правильности вышеприведенных мнений относительно обстоятельств эвакуации АГШ из Екатеринбурга в Казань в указанное время.

Во-первых, анализ «требовательных ведомостей» на начисление жалованья персоналу АГШ (за январь-июль 1918 г.) и именных списков студентов (например, за июнь 1918 г.), обнаруженных автором этих строк, показывает, что как в Петрограде, так и в Екатеринбурге (январь-июль 1918 г.) преподаватели АГШ свою работу по подготовке будущего комсостава РККА выполняли вполне добросовестно, и столь же добросовестно студенты АГШ посещали занятия[3]. Поэтому никак нельзя согласиться с тем положением (его выдвигали М. Иностранцев и косвенно А. Кавтарадзе), что профессорско-преподавательский состав АГШ в Екатеринбурге и Казани якобы только и делал, что ждал удобного случая, чтобы «сбежать» от большевиков в белую армию.

Во-вторых, анализ различного рода материалов показывает, что Академия в Казань вовсе не дезертировала, а была эвакуирована большевиками! И в период своего пребывания в Екатеринбурге, как и на всем пути следования оттуда до Казани, АГШ всецело находилась под их неусыпным контролем[4].

В-третьих, АГШ оказалась в распоряжении «белых» к началу августа 1918 г. случайно! Обстоятельства, которые сопровождали факт «случайной измены» АГШ в конце июля — начале августа 1918 г. в полной мере отразили, с одной стороны, «трогательную заботу» военного руководства большевиков об Академии Генштаба. С другой стороны, эти же обстоятельства достаточно ясно продемонстрировали социально-бытовые настроения преподавателей и студентов АГШ, проявившиеся в указанное время. Характерно, что проявление указанной «заботы» и «настроений» имело место как во время эвакуации АГШ из Петрограда в Екатеринбург (март 1918 г.) и пребывания Академии в Екатеринбурге (до 23–24 июля), так и в период эвакуации ее в Казань (последняя неделя июля 1918 г.).

В-четвертых, если следовать «логике» рассуждения историка Войнова, то остается непонятным, почему же большевикам не «изменила» остальная часть курсантов, которая также была подготовлена «в дореволюционных условиях», но не попала под эвакуацию в Казань? Так, вполне добросовестно служили большевикам 137 штаб- и обер- офицеров, закончивших в мае 1917 г. ускоренные курсы АГШ 2-й очереди. Они не только были причислены к Генштабу приказом Начальника Штаба Наркомовоена № 22 от 23 марта 1918 г., но и спустя три месяца приказом Всероссийского Главного Штаба (далее — ВГШ) № 18 от 27 июня того же года были переведены в Генштаб[5].

Так или иначе, 23–24 июля 1918 г. АГШ была эвакуирована большевиками в Казань, а в ночь с 6 на 7 августа с. г. белочехи, видимо, начали штурм города, который был ими полностью захвачен ближе к 10 августа[6]. В итоге в распоряжении «белого» Комуча оказались 22 преподавателя и служащих АГШ, а также определенное количество курсантов Академии[7].

Чтобы прояснить ситуацию, обратимся сначала к событиям, предшествовавшим большевистской эвакуации АГШ из Екатеринбурга в Казань.

I. Эвакуация АГШ в Екатеринбург.

1. Причины и подготовка эвакуации (март 1918 г.). В марте 1918 г. из-за угрозы германского наступления АГШ «срочно» была эвакуирована большевиками из Петрограда в Екатеринбург[8]. Профессор АГШ М. А. Иностранцев указывает следующие причины, по которым Конференция Академии якобы «желала ее эвакуации»: 1) «слухи» о формировании «где-то на юге... противобольшевистских сил, которые должны были начать открытую борьбу с представителями 3-го Интернационала», поэтому будто бы следовало «эвакуировать (АГШ)... куда-нибудь подальше от глаз центральной большевистской власти, ... поближе к силам, готовящимся для борьбы с коммунизмом» (то есть на юг России); 2) «...нахождение

немцев весьма близко от Петрограда... становилось для Академии весьма опасным и она со своими ценностями, могла в один прекрасный день оказаться в германских руках», а потому возникло стремление эвакуировать ее подальше «от немецкой опасности»; 3) «...голод и лишения в Петрограде росли все более и более, делая пребывание в нем с каждым днем все более невыносимым. Уже хлеб становился чем-то вроде роскоши, качество его заметно понижалось, а количество уменьшалось. Для питания, за неимением говядины, многие перешли на конину, но и ее уже подчас было доставать трудно»[9]. Из указанных выше трех причин, первые две автору настоящей статьи представляются несостоятельными, поскольку они не отражали подлинные настроения русского офицерства того времени вообще, а офицеров Генштаба — в особенности.

Утверждение профессора Иностранцева о стремлении руководства Академии эвакуировать АГШ «...поближе к силам, готовящимся для борьбы с коммунизмом», явно выглядит как его собственная выдумка. Иностранцев указывает, что «...слухи о противобольшевистских движениях стали доходить все более и более»[10], однако нужно признать, что в марте 1918 г. «противобольшевистские силы» на Юге России, представленные 4-тысячной Добровольческой армией[11], находились явно в зачаточном состоянии и вряд ли кем-либо тогда воспринимались всерьез. Сами же офицеры в это время явно «не горели желанием» влиться в ее ряды. Об этих определенно апатичных настроениях русского офицерства ясно высказался сам Деникин: «важнейшие центры — Петроград, Москва, Киев, Одесса, Мин. Воды, Владикавказ, Тифлис — были забиты офицерами. Пути на Дон были, конечно, очень затруднены, но твердую волю настоящего русского офицера не остановили бы никакие кордоны». Однако на деле «...напор большевиков сдерживали несколько сот офицеров и... юнкеров, гимназистов, кадет, а панели и кафе Ростова и Новочеркасска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступавшими в армию... Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска, уклонилось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добрармию единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества»[12]. Да и добраться до этой «армии», учитывая, что железнодорожный транспорт в конце 1917 — начале 1918 г. работал лишь на 1/3, а на станциях линчевали офицеров, было весьма и весьма проблематично[13].

Явно некорректным выглядит указание профессора Иностранцева и на «немецкую опасность». Следует признать, что весной-летом 1918 г., когда в руках немцев действительно оказалась половина Европейской России[14], угроза попадания в те же руки какой-то Академии, пусть даже самой престижной, вряд ли кого-то могла всерьез взволновать. Мало того, само русское офицерство почему-то вовсе не стремилось защищать свое «поруганное Отечество» от тех же немцев с оружием в руках. Напротив, целый ряд офицерских воору-

женных формирований на Юге России в 1918 г. создавался и действовал как раз на германские деньги, как то: Южная Армия и части П. П. Скоропадского, формируемые на Украине, Донская Армия казачьего генерала П. Н. Краснова; не брезговал немецкими деньгами даже сам Главком Вооруженных Сил Юга России, Генштаба генерал-лейтенант А. И. Деникин[15]. В таких условиях беспокойство профессора Иностранцева о ценностях Академии, которые могли попасть «в руки к немцам», выглядит попросту смешным.

Значительно более заслуживающим доверия в качестве причины эвакуации большевиками АГШ из Петрограда в Екатеринбург является указание Иностранцева на голод в Петрограде. Не вызывает никакого сомнения тот факт, что само решение об эвакуации в Екатеринбург было принято, главным образом, военным ведомством Троцкого, тогда как мнение Конференции АГШ оставалось в данном вопросе чисто совещательным. Екатеринбург же в качестве назначения эвакуации был выбран большевиками, не в последнюю очередь потому, что о нем было известно: «это — большой, культурный и горнозаводской город и в нем несомненно найдутся и подходящие здания» для размещения Академии. Иностранцев вспоминал: когда «...Академия получила извещение, что местом ее эвакуации избран Екатеринбург и что она в спешном порядке должна начать подготовку к эвакуации..., было собрано новое заседание Конференции — на нем Начальник АГШ Андогский заявил: «...для эвакуации Академии будут предоставлены несколько воинских эшелонов, но, что те из ее служащих, которые должны задержаться из-за каких-либо уважительных причин, как: передача квартиры, сдача мебели на хранение и т. д., получат разрешение прибыть в Екатеринбург позже — в частном порядке, но за казенный счет, для чего им будет удобнее всего воспользоваться т. н. Сибирским экспрессом». В то же время, по свидетельству профессора Иностранцева, сам Троцкий в одном из диалогов с Начальником АГШ Андогским будто бы заявил: «Академия будет и должна служить только нам и никому другому»[16].

Подобное заявление большевистского Наркомвоена Троцкого выглядит вполне «в духе» его политики жесткого прагматизма: вывезти самую престижную Военную Академию бывшей империи из голодного Петрограда, побеспокоившись при этом об обустройстве чисто «бытовых проблем» ее персонала, главным образом с той целью, чтобы АГШ в спокойном месте продолжала бесперебойно готовить профессионально грамотный комсостав для РККА. В данном случае вполне можно согласиться с военруком ВВС М. Д. Бонч-Бруевичем, отмечавшим, что «АГШ решено было перевести в Екатеринбург срочно..., и никому из членов ВВС и в голову не пришло, что спустя несколько месяцев Екатеринбург будет захвачен чехословаками и белыми»[17].

2. Деятельность АГШ в Екатеринбурге (конец марта — 23 июля 1918 г.). По прибытии АГШ в Екатеринбург (не раньше 23 марта 1918 г.) «во исполнение постановления ВВС и Приказа Наркомвоена» в ней открылись «постоянные правильные занятия»[18], которые продол-

жались вплоть до самой эвакуации АГШ в Казань (23–24 июля 1918 г.) и имели вполне реальные результаты. Само же большевистское военное руководство было всерьез озабочено проблемой налаживания нормальной работы Академии в Екатеринбурге, о чем свидетельствует целый ряд конкретных примеров.

Во-первых, в фонде АГШ (Российский государственный военный архив. Ф. 33892) автором этих строк были обнаружены расчетные ведомости с отчетами о проведенных преподавателями АГШ в Екатеринбурге занятиях за период с марта до начала 20-х чисел июля 1918 г. В ведомостях указывались количество проведенных занятий, размер платы за 1 занятие, а также денежная сумма, причитающаяся за количество прочитанных лекций и проведенных практических занятий. Основаниями для начисления денежного содержания преподавателям служили законодательные положения большевистского руководства, такие как: Декрет СНК от 2 января 1918 г. за № 5 (§ 5) и Приказы Наркомвоена за № 5 и 316. В тех же ведомостях содержатся указания, сделанные представителями военного руководства большевиков о предоставлении «35 % добавочного содержания должностным лицам академии за апрель 1918 г.», о выплате «вознаграждения за дополнительные лекции и ведение практических занятий с 1 по 20 июля 1918 г.», а также о выплате денежных сумм «на разницу содержания между окладами, получаемыми должностными лицами академии согласно утвержденному новому штату».

Во-вторых, те же ведомости показывают, что в Екатеринбурге на протяжении порядка четырех месяцев достаточно добросовестно читали лекции и вели практические занятия 34 офицера Генштаба[19].

В-третьих, факт основательной заботы большевистского военного руководства касательно соблюдения традиционного порядка ведения занятий в АГШ может быть подтвержден, в частности, письмом Начальника Генштаба Н. М. Потапова Начальнику Академии Андогскому от 30 апреля 1918 г. за № 247. Письмо извещало о следующем: «Во исполнение постановления ВВС и приказа Наркомата по военным делам об открытии постоянных, правильных занятий во вверенной Вам Академии, — предписываю Вам спешно отправиться из Петрограда в Екатеринбург, в место нового расположения Академии»[20].

В-четвертых, профессор Иностранцев, несмотря на весь свой эмиграционный антибольшевизм, вынужден был признать, что занятия в АГШ в Екатеринбурге «после Говения и Пасхи» (то есть приблизительно с конца апреля 1918 г. — *В. К.*) проводились непрерывно. Он писал, в частности, следующее: «...начались экзамены слушателей младшего класса для перевода их в старший», «по окончании экзаменов слушатели младшего класса... были переведены в старший класс, а в младший стали прибывать» новые курсанты; в то же время, вскоре после прибытия новых офицеров на младший курс «...в Академии началось чтение лекций и ведение практических занятий в обоих классах»[21]. Важнейшим итогом налаживания учебного процесса в стенах АГШ весной — до середины июля 1918 г. стал факт

непрерывного обучения курсантов в конце 1917 — летом 1918 г. и успешного выпуска 143 «офицеров, окончивших подготовительные курсы третьей очереди военного времени в АГШ (в июне 1918 г.)»[22].

В-пятых, Начальник АГШ Андогский «вскоре же после начала курса в Академии… получил из Москвы телеграмму, которой Троцкий вызывал его к себе для обсуждения вопроса о реформе Академии и дальнейшей ее судьбе»[23]. И есть основания полагать, что эта встреча действительно состоялась не позднее 30 апреля 1918 г.[24] По свидетельству самого Андогского, во время упомянутой встречи Троцкий высказал пожелание «…как можно скорее и шире использовать ее (то есть АГШ. — *В. К.*), почему все время задавал вопросы, касающиеся возможности ускорить прохождение курса и возможно более расширить число обучающихся в Академии офицеров»[25]. Одновременно, приблизительно в конце апреля — начале мая 1918 г., «Конференции АГШ было сообщено Совдепом, что Академия поступает в ведение специально назначенных комиссаров Берзина и Анучина»[26].

Наконец, в-шестых, самым важным проявлением «внимания» большевиков к деятельности АГШ в Екатеринбурге явилось то, что ими были неоднократно «…потребованы целый ряд слушателей в красные штабы». Иностранцев отмечал, что «требование большевиками в красные штабы нового ряда наших слушателей… было осуществлено в столь спешном порядке, что им было предписано явиться [на] их новые места службы уже через 1–2 дня после отдачи распоряжения»[27].

3. В настроениях персонала и курсантов АГШ во время пребывания в Екатеринбурге прослеживаются явно выраженные социально-бытовые мотивы. С конца марта и до 23 июля 1918 г. АГШ продолжала работать в Екатеринбурге так же «постоянно» и «правильно», как она до этого осуществляла свою деятельность в Петрограде — преподаватели читали лекции и вели практические занятия, а курсанты их исправно посещали. Причем нет никаких оснований говорить о каких-либо антибольшевистских настроениях персонала и студентов АГШ в этот период (март — 23 июля 1918 г.), как нет сколько-нибудь уважительных причин настаивать на проявлении вообще каких-либо политических настроений со стороны офицеров Корпуса русского Генштаба начала XX в. Иными словами, для преподавателей и студентов АГШ в марте-июле 1918 г. спокойное продолжение своей привычной деятельности — работы и учебы соответственно, — было намного важнее проявления каких-либо политических настроений[28].

II. 23–24 июля 1918 г. АГШ не «дезертировала» в Казань, а именно была эвакуирована большевиками, что вновь подтвердило приверженность Троцкого политике жесткого прагматизма в деле привлечения «лиц Генштаба» на службу в РККА. Сказанное подтверждается следующим.

1. Эвакуация АГШ в Казань была всецело подготовлена, организована и осуществлена большевиками. Уже 8 июля 1918 г. Начальник АГШ «…Андогский был потребован

в Совдеп и там ему было передано [комиссаром] Белобородовым, что [Совнарком] требует эвакуации Академии из Екатеринбурга в срок не более 2-х дней. Оттяжка служащими Академии эвакуации на срок больший указанного должна была рассматриваться как саботаж советской власти и ЧК должна была принять в отношении Академии суровые карательные меры»[29]. 20 июля 1918 г. большевистский Главком И. И. Вацетис телеграфировал из Казани в Екатеринбург Командованию 3-й армии и Начальнику Академии Андогскому: «АГШ эвакуировать [в] Казань...»[30] Тем же числом о предстоящей эвакуации Академии был осведомлен ее Начальник Андогский, что подтверждается, в частности, его телеграммой в Москву Начальнику Отдела по Службе Генштаба при ВГШ Генштаба полковнику А. С. Белому: «Сообщите всем членам Академии задержаться на местах, ибо Академия спешно эвакуируется через Пермь. Андогский»[31]. 21 июля 1918 г. Троцким был издан приказ по учебно-строевой части за № 162, не оставляющий никаких сомнений в прагматизме его автора. Приказ постановил следующее: «Академия должна быть эвакуирована временно до полной ликвидации чехословацкого мятежа. Весь персонал академии должен быть эвакуирован из Екатеринбурга, кроме тех лиц, которые особым распоряжением будут оставлены. Назначение места временной эвакуации академии и условия эвакуации предоставил РВСовету в Казани. Ему предписано отпустить в распоряжение Академии достаточное денежное средство, дабы эвакуация была сопряжена с наименьшими неудобствами для личного состава. Академия нам необходима для Рабочей и Крестьянской Власти, а не для кого-нибудь другого и стало быть ни о каких искусственных условиях экстерриториальности для академии не может быть и речи. Всякая попытка отдельных членов личного состава академии проникнуть на территорию, занятую чехословаками, будет рассматриваться как измена и караться по законам военного времени. Москва, 19 июля 1918 г. № 1196»[32]. 22 июля А. Белой от имени большевистского ВГШ официально уведомил «...всех оставшихся чинов Академии, что согласно телеграммы начальника Академии Академия спешно эвакуируется через Пермь...»[33] В то же время, Начальник АГШ Андогский докладывал Троцкому в Москву о том, что «распоряжением Главкома Вацетиса и РВС и ближайшим указанием Штафронта Уральского личный состав и часть учебного имущества Академии отправляются в Казань... 23 июля...»[34] В том же июле 1918 г. Строевой частью Академии РККА «семье Начальника Военной Академии РККА А. И. Андогского» было выдано Удостоверение, из которого ясно следует, что Андогский «...временно эвакуирован в г. Казань по распоряжению Командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом и РВС...». Мало того, Генштаба генерал-лейтенант Г. Г. Христиани (1887 г. выпуска) в своем докладе уже «белому» Сибирскому Правительству (№ 154, от 7 августа 1918 г.) даже отмечал, что АГШ была «силой эвакуирована» в Казань[35]. Относительно самого срока эвакуации АГШ в Казань, есть основания полагать, что таковая имела место не раньше 23 и не позднее 24 июля 1918 г.[36]

2. Большевистское руководство продолжало «опекать» АГШ и на самом пути ее следования от Екатеринбурга до Казани. Профессор Иностранцев вспоминал: «Мы прибыли в Пермь... незадолго до полудня. Здесь нас ожидало приказание Берзина: выгрузившись с ж/дороги на станции Пермь 2-я и, погрузившись на приготовленный пароход с баржей, отправиться вниз по Каме». Свои виды относительно АГШ явно имел и находившийся в Казани большевистский Главком И. И. Вацетис. Иностранцев пишет, что «он имел намерение выгрузить нас здесь в Казани и, в этом духе послал распоряжение Берзину в Пермь...»[37] 25 июля 1918 г. Вацетис направил телеграмму за № 210 в Екатеринбург, видимо, не зная, что город уже захвачен чехами[38] и полагая, что АГШ еще находится там: «Прошу поспешить командированием в мое распоряжение 80 слушателей Академии». В данном случае «красный» Главком явно опирался на соответствующий Приказ Наркомвоенмора Троцкого за № 543 от 16 июля 1918 г., в соответствии с которым «Начальник АГШ должен [был] командировать» указанное число слушателей (80 курсантов) «в распоряжение Главкофронта Вацетиса для особых поручений при командирах полков, батарей и других штатных формирований»[39]. Мало того, 26 июля 1918 г. тот же Вацетис обратился к военкому К. Мехоношину уже с гораздо более завышенными претензиями относительно АГШ: «Прошу ускорить эвакуацию Академии [в] Казань, где весь личный состав... будет мною распределен для работы на фронте»[40]. Между тем, по замыслам большевистского военного руководства, Казань вовсе не была конечной остановкой на пути АГШ. Иностранцев вспоминал: «Наркомвоен предписывал ввиду еще большего приближения фронта белых к Волге эвакуировать Академию глубже внутрь страны и местом нашей окончательной эвакуации [был] избран г. Муром Ярославской губернии, где Академия и должна [была] обосноваться. Порядок нашей эвакуации в Муром еще не [был] разработан вследствие отсутствия у штаба фронта времени для этого из-за оперативной работы, но будет выработан через несколько дней, почему Академии и приказано пока не разгружаться (в Казани. — *В. К.*) и ожидать приказания для дальнейшей эвакуации»[41].

3. Стремительный захват Казани чехами и «случайность» «перехода» АГШ на сторону Комуча (август 1918 г.)

Сам факт «случайной» измены большевикам персонала «красной» Академии в Казани подтверждается косвенно, например, дневниковыми записями Командующего войсками Уфимской Директории («белыми»), Генштаба генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева. 14 сентября 1918 г. последний указал на факт «пленения белыми в Казани части академического состава бывшей Академии Генштаба...»[42] На «случайность перехода» группы преподавателей и студентов АГШ на сторону «белых» указывали сами большевики. В «Отчете о деятельности АГШ с 25 сентября 1918 г. по 1 сентября 1920 г.» об этом было сказано совершенно откровенно: «...Екатеринбургской Академии суждено было просуществовать недолго. Вследствие неблагоприятного развития [событий] на Восточном

фронте она была спешно эвакуирована в Казань, ... где и досталась летом 1918 г. чехословакам. От нее остался лишь самый незначительный состав преподавателей и слушателей, случайно отсутствовавших в то время в Казани, или успевших своевременно выехать из нее»[43].

4. Социально-бытовая мотивация в настроениях персонала и студентов АГШ в Казани. Среди различного рода проблем, заботивших как профессоров, так и студентов АГШ с момента прибытия в Казань (в последних числах июля 1918 г.[44]) до захвата города чехами[45] и после такого захвата, социально-бытовые нужды занимали достаточно важное место. К таковым следует отнести следующие: восстановление и улучшение социального и служебного статуса, возможность заниматься привычным профессиональным трудом, налаживание привычных «бытовых» условий жизни, забота об оставшихся семьях персонала и студентов, поправка здоровья и пр. Легко заметить, что в вышеперечисленном нет даже намека на антибольшевистские настроения персонала АГШ и ее студентов. Между тем, беспокойство о вышеприведенных «нуждах» как раз и обусловило чрезвычайно быстрый «переход» персонала и студентов АГШ в Казани на сторону Комуча[46]. Подтвердим сказанное примерами.

а) Начальник АГШ Генштаба генерал-майор А. И. Андогский приложил максимум усилий и способностей[47] для того, чтобы «переход» АГШ на сторону Комуча произошел возможно более «безболезненно». Он, в частности, добивался для АГШ соблюдения «экстерриториальности[48], что позволило бы Академии продолжить свою прежнюю деятельность на новой территории. Между тем, как показывает анализ ряда документов, для самого Начальника АГШ мощным стимулом к достижению указанного статуса Академии было его семейное положение. Иностранцев писал, что Начальник АГШ «...обладал очень большою семьей, ибо женился на разведенной, имевшей уже несколько детей и прижил с нею еще детей. Супруга его вообще требовала больших средств, а в связи с большой семьей, и тем более»[49].

б) Екатеринбург был сдан чехам большевиками 25 июля 1918 г.[50], но из персонала АГШ, находившегося в городе, эвакуированы были не все. На основании приказа Начальника гарнизона г. Екатеринбурга от 29 июля 1918 г., при эвакуации Академии в Казань «в составе комиссии для заведывания и охраны оставленного казенного имущества» были оставлены следующие офицеры Генштаба: генерал-лейтенант Г. Г. Христиани, полковники А. Т. Антонович и Г. Т. Киященко, подполковник П. Г. Осипов. В то же время, в Екатеринбурге остались Генштаба генерал-лейтенант А. И. Медведев — «по преклонному возрасту», и Генштаба генерал-майор А. Ф. Матковский — «как подавший прошение об отставке». Как следует из доклада Христиани Начальнику Штаба Екатеринбургского гарнизона за 30 июля 1918 г., на указанных лиц было возложено также «...обеспечение всех интересов как Академии, так и оставшихся семей (персонала и студентов АГШ. — *В. К.*)».

7 августа 1918 г. от временно исполняющего должность Начальника АГШ в Екатеринбурге Христиани «Его Превосходительству Военному Министру Временного Сибирского Правитель-

ства» был представлен Доклад за № 154. В нем, среди прочего, указывалось, что трое из оставшихся в Екатеринбурге офицеров Генштаба: «полковники Антонович, Киященко и Осипов вызываются в Омск для назначения на должности строевые или Генштаба». Однако Христиани, будучи также председателем Конференции АГШ, пытался добиться, чтобы указанных лиц оставили в Екатеринбурге, поскольку иначе, как он утверждал в докладе за 7 августа, «…Комиссия, которой Конференция доверила интересы Академии и оставшихся семейств, распадается».

Между тем, подоплекой этого дела был именно «социально-бытовой аспект». Очевидно, что заведовать имуществом Академии и присматривать за семьями ее персонала значительно более «спокойнее», нежели замещать «строевые должности», или даже должности по Генштабу в действующей армии. Пытаясь «удержать» при себе грамотных офицеров Генштаба, Христиани в вышеупомянутом докладе военному министру «белой» Сибири от 7 августа писал следующее: «…полковник Антонович, будучи вдов, обременен детьми в возрасте 12–15 лет, … полковник Киященко, в возрасте 46 лет, серьезно болен почечными камнями, обременен малолетними детьми и больной женой, а потому на продолжительное время лишен возможности нести службу строевую или Генштаба в войсковых штабах; полковник Осипов страдает последствиями тяжелой контузии спины, нервным расстройством и по семейным обстоятельствам (ожидание прибавления в ближайшие 3 недели семейства) тоже нуждается во временном оставлении его в Екатеринбурге. Докладывая о сем Вашему Превосходительству, ходатайствую об оставлении полковников Антоновича, Киященко и Осипова в Академии»[51]. Вышеприведенное ходатайство временно исполняющего должность Начальника АГШ Христиани поразительным образом напоминает те письма-прошения, которые писали «лица Генштаба», устраиваясь в 1918 г. на службу в РККА и стремясь выхлопотать себе там возможно более «тепленькое местечко»[52].

в) Можно предположить, что уже в начале августа 1918 г. была составлена одна из самых первых расчетных табелей на получение жалованья персоналом АГШ на «белом» Востоке. Указанная табель руководством Академии была представлена «на утверждение Управляющему Военным Ведомством [Комуча] и приведена в соответствие с “основной табелью № 1 окладов жалованья чинам строевых частей Народной Армии, утвержденной Комучем 10 августа 1918 г.”». Табель окладов начала августа 1918 г. содержала в себе перечень месячных «окладов жалованья», «квартирных денег» и «денег взамен пайка в месяц» для 7 преподавателей АГШ. Как можно понять из доклада Начальника Генштаба Народной Армии за № 3457 от 11 сентября 1918 г., представленном в Высший Военно-Хозяйственный Совет Комуча, «Приказом по Военному Ведомству от 16 августа с. г. № 26 [были] назначены на должности в Центральные Управления и полевые штабы Народной Армии — 7 преподавателей» АГШ. В то же время, Приказом по Военному Ведомству за № 32 было «…установлено, что все чины преподавательского состава Академии получают 540 руб. в месяц…, а квартирные деньги и все прочие виды довольствия, установленные для чинов Народной Армии по положению и командировоч-

ные деньги в виде суточных и квартирных за все время командировки». Причем в докладе от 11 сентября указывалось, что «выдача такого денежного довольствия обуславливается тем, что все преподаватели и слушатели Академии, имея семьи и свое имущество на месте своего штатного служения в Академии, находящейся ныне в г. Томске, вынуждены жить отдельно от семьи, на два хозяйства, что при современной дороговизне чрезвычайно затруднительно в материальном отношении»[53]. Иначе говоря, налицо попытка проявления руководством «белого» Комуча весьма сходной заботы о «материальном благосостоянии» преподавателей АГШ с той, какую проявляло о тех же преподавателях военное ведомство Троцкого.

г) Для подтверждения господства социально-бытовых настроений среди курсантов АГШ в Казани в августе 1918 г. может служить «резолюция», принятая уже после захвата города чехами. Вот как охарактеризовал указанную «резолюцию» современник: «Сговориться с властями, занявшими город и выяснить следующие вопросы: 1) Будут ли слушатели арестованы?; 2) Как будут власти считать слушателей — гражданами или военнослужащими?; 3) Каково будет отношение властей к Академии: как вообще к учебному заведению, или к военно-учебному?; 4) Избрать для выяснения этих вопросов делегацию и послать её, помимо начальника академии Андогского, к помощнику управляющего военным министерством на территории Комуча»[54]. И есть основания полагать, что слушатели АГШ в значительной мере сумели добиться признания своего служебного статуса Штабом Народной Армии. Так, в упомянутом выше «Рассчете окладов содержания», составленном в соответствии с «Табелью № 1 окладов жалованья чинам строевых частей Народной Армии, утвержденной Комучем 10 августа 1918 г.», содержался перечень месячных «окладов жалованья», «квартирных денег» и «денег взамен пайка в месяц», касающихся курсантов АГШ. Так, «слушателям старшего курса» полагался «оклад жалованья» — 340 руб. в месяц. Характерно, что «многосемейные» студенты получали «квартирных денег» в месяц 170 руб., тогда как «малосемейные или холостые» — только 113 руб. 33 коп. В то же время, на 11 сентября 1918 г. «устанавливалось не только месячное жалованье в 340 руб., но и выплата «приказами (Комуча. — *В. К.*) по Военному Ведомству с. г. № 26 и 32» для слушателей АГШ квартирных денег и всех прочих видов довольствия, [положенных] для чинов Народной Армии», а также «командировочных суточных и квартирных за время командировки...»[55]

Окончание следует...

---

[1] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 421.

[2] *Иностранцев М. А.* Конец империи, революция и начало большевизма (Из воспоминаний профессора бывшей АГШ). См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 274–277,

305–308, 357, 363; *Войнов В. М., Плотников И. Ф.* Академия Генерального Штаба // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е. Екатеринбург, 2002. С. 16; *Войнов В. М.* Интеллигенция Урала в годы революции и гражданской войны (март 1917–1920 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 1991. С. 136; *Кавтарадзе А. Г.* 1) Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 87–88; 2) Советское Рабоче-Крестьянское Правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. **С. 36; *Mawdsley E.* The Russian Civil War. Boston, 1987. P. 61.**

[3] **РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 66–69, 83 об., 119–120; Ф. 33892. Оп. 1. Д. 37. Л. 13–15 об.; Д. 88. Л. 4–4 об.,** 5–7 об., 8–8 об., 9–12 об., 51–52 об.; Д. 89. Л. 27–28 об., 90–90 об., 103–104 об., 166–168 об.

[4] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 241, 276–277, 297–298, 300–301, 307–308, 310–311, 332, 349, 362–363; РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 208; Оп. 6. Д. 125. Л. 135.

[5] РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 17; Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 53–74 об.; Д. 115. Л. 46–47 об.

[6] Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений Главкома Восточным (Чехословацким) фронтом товарища Вацетиса. М., 1918. С. 244. — Автором статьи были обнаружены материалы, свидетельствующие о том, что Казань была взята белочехами ближе к 9–10 августа 1918 г. Подробнее см.: *Каминский В. В.* А. И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 94–95. — Этим замечанием автор поправляет, прежде всего, самого себя, ибо в монографии (ее написание было завершено в 2005 г.) в качестве срока взятия Казани Комучем однозначно указывается ночь с 6 на 7 августа 1918 г. См.: *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. С. 29, 194, 198, 201–202, 241, 314. — Учитывая новые данные, можно со значительной долей уверенности полагать, что штурм Казани «белыми» начался с окраин города в ночь с 6 на 7 августа 1918 г., а завершился взятием всего города к 10 августа с. г.

[7] Хотя в «Списке личного состава Академии, эвакуируемого из г. Екатеринбурга», подготовленного к 23 июля 1918 г., указано, что из «учебно-административного состава Академии [в Казань] едет 17 человек», есть основания полагать, что к концу июля в Казань прибыло из Екатеринбурга только 16 лиц персонала АГШ, тогда как 6 остались в нем «в составе комиссии для заведывания и охраны оставленного казенного имущества». Однако, поскольку сам Екатеринбург был захвачен чехами раньше Казани, то есть 25 июля, то очевидно, что все 22 лица персонала АГШ оказались к началу августа 1918 г. в распоряжении Комуча. См.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 440, 489; Д. 89, Л. 187 об., 188 об.; Собрание оперативных телеграмм... С. 92.

[8] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Д. 4. Л. 276-278, 296; РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 208; *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая **II. Кн. 1. М., 1998. С. 272;** *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1964. С. 279; *Кавтарадзе А. Г.* Крупный военный историк В. Ф. Новицкий // Первая Мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 637. — Указанная эвакуация состоялась не раньше 23 марта 1918 г., поскольку известно, что в этот день еще в Петрограде Начальником большевистского Генштаба Н. М. Потаповым был подписан приказ № 22 о «причислении к Генштабу» 137 выпускников 2-ой очереди ускоренных курсов АГШ. — См.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 17. — А. Г. Кавтарадзе полагает, что «в соответствии с планом Центральной коллегии по разгрузке Петрограда эвакуация началась 16 марта 1918 г.». См.: *Кавтарадзе А. Г.* Советское Рабоче-Крестьянское Правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 33.

[9] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 274–275.

[10] Там же. Л. 305.

[11] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 2: Борьба генерала Корнилова (август 1917 г. — апрель 1918 г.). М., 1991. С. 228.

[12] Там же. С. 197–198.

[13] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 745. Л. 33 об.; *Столыпин А. А.* Записки драгунского офицера 1917–1920 гг. // Русское Прошлое. Кн. 3. 1992. С. 61; *Окунев Н. П.* Дневник москвича 1917–1924 гг. Paris, 1990. С. 169; *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 498–500; *Patterson M. J.* Moscow Chekists during The Civil War, 1918–1921: Ph. D. dissertation. Simon Fraser University, 1991. P. 46.

[14] Это произошло в результате подписания большевиками Брестского мира 3 марта 1918 г. См.: Большой Энциклопедический Словарь. М., 1994. С. 165.

[15] *Герцог Лейхтенбергский* Как началась «Южная Армия» // Архив Русской Революции (далее — АРР). Т. 8. Берлин, 1923. С. 174–175; *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский // Вопросы Истории. 1997. № 9. С. 69–74; *Ипполитов Г. М.* Деникин. М., 2000. С. 320–321.

[16] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 276–277, 301.

[17] *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 279. — Политике «жесткого прагматизма» Троцкого в 1918–1920 гг., в частности, в деле привлечения выпускников АГШ на службу в РККА и удержания их на этой службе, посвящено немало страниц авторской монографии. См.: *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба... С. 8, 12, 27, 108–148, 156, 162, 178, 180–181, 185–187, 199–201, 241, 254, 261, 339–340, 343, 398, 420, 422.

[18] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 208.

[19] Там же. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 27–27 об., 28, 90–90 об., 103–104 об., 166–166 об., 167 об., 168 об.; ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 277–278, 296, 327.

[20] Кроме Н. М. Потапова, приведенное здесь письмо было подписано также 1-м Генквартом С. А. Кузнецовым и комиссаром ГУГШ, неким Михайловым. См.: РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 208.

[21] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 296, 297, 299, 300.

[22] РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 37. Л. 13–15 об.; *Будберг А. П.* Дневник. 1919 год // АРР. Т. 14. Берлин, 1924. С. 306.

[23] ГАРФ. Ф. 5960. Оп.1. Д. 4. Л. 300–301.

[24] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 208.

[25] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 311.

[26] Там же. Л. 296.

[27] Там же. Л. 297, 307–308.

[28] РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 66–69, 119–120, 208; Ф. 33892. Оп. 1. Д. 88. Л. 4–12 об., 51–52 об.; Д. 89. Л. 27–27 об., 28–28 об., 90–90 об., 103–104 об., 166–166 об., 167 об.,168 об.

[29] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 332.

[30] Собрание оперативных телеграмм Главкома Вацетиса... С. 41.

[31] РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 135.

[32] Там же. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 421.

[33] Там же. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 136.

[34] Там же. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 531, 532.

[35] Там же. Л. 485, 488, 491.

[36] Указанный срок эвакуации АГШ в Казань подтверждается следующими документами: телеграмма Главкома И. Вацетиса от 20 июля; Приказ Троцкого от 21 июля (№ 162), Телеграмма А. С. Белого в Петроград от 22 июля 1918 г. Из них следует, что в эти дни АГШ еще не переехала в Казань. Мало того, еще 23 июля Правитель дел АГШ Генштаба И. И. Смелов составил «Список личного состава Академии, эвакуируемого из г. Екатеринбурга», из чего можно заключить, что и 23 июля АГШ могла еще оставаться в Екатеринбурге. Между тем, Г. Христиани 30 июля сообщал Начальнику Штаба гарнизона г. Екатеринбурга, что «личный состав

АГШ 24 [июля] эвакуирован». См.: РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 136; Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 421, 440, 485, 488, 490, 531, 532; Собрание оперативных телеграмм Вацетиса. С. 41. — В пользу предположения о том, что Академия из Екатеринбурга была эвакуирована не позднее 23–24 июля 1918 г., свидетельствуют также данные, собранные большевистским военным корреспондентом. Он отмечал, в частности, что «выезд из Екатеринбурга был совершен через три дня после приказа командующего Урало-Сибирским фронтом, за два дня до занятия города чехословаками». Под указанным приказом подразумевается, видимо, вышеупомянутая телеграмма Вацетиса от 20 июля 1918 г., а Екатеринбург чехи взяли 25 июля с. г. См.: Известия Наркомата по военным делам (далее — ИН). 1918. 23 ноября. № 170; Собрание оперативных телеграмм Главкома Вацетиса... С. 41, 92.

[37] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 349, 362–363.

[38] Собрание оперативных телеграмм Главкома Вацетиса... С. 92; *Footman D.* Civil War in Russia. Connecticut, 1961. P. 314.

[39] РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 37–37 об., 38, 49 об.; Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 421; Собрание оперативных телеграмм Главкома Вацетиса... С. 62.

[40] Собрание оперативных телеграмм Главкома Вацетиса... С. 74.

[41] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 363.

[42] *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1926. С. 44.

[43] РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 89. Л. 5.

[44] ИН. 1918. № 170. 23 ноября.

[45] См. текст сноски № 6 настоящей статьи.

[46] Как персонал АГШ, так и ее студенты «перешли» на сторону Комуча практически немедленно: в Екатеринбурге — не позднее 29–30 июля, а в Казани — не позднее 10 августа 1918 г. См.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 489, 490492 об., 506–507, 525, 546; Д. 7. Л. 68, 76–77, 80, 115–115 об.; Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 7, 9, 16, 33–33 об., 34, 38–38 об., 120 об.

[47] Профессор Иностранцев среди «полезных качеств» Андогского отмечал его «удивительную способность приспособляться ко всяким обстоятельствам» и «умение оказывать влияние на своих начальников, а также завоевывать себе популярность среди подчиненных». См.: ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 11. — Указанная приспособляемость Андогского к различным политическим режимам впоследствии стала чуть ли не «притчей во языцех» в кругах русской эмиграции. Л. Арнольдов, как и профессор Иностранцев, называли Андогского «умным, хитрым, дальновидным, очень ловким, обладавшим громадным честолюбием». Об организаторском таланте Андогского писал и Г. Гоппер. См.: *Арнольдов Л.* Жизнь и революция. Шанхай, 1935. С. 181; *Гоппер Г.* Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, б/г. С. 84. — Материалы предоставлены автору доцентом Кемеровского Областного Института усовершенствования учителей, доктором исторических наук С. П. Звягиным по личной электронной переписке 7 декабря 1999 г.

[48] ИН. 1918. № 170. 23 ноября.

[49] ГАРФ. Ф. 5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 10. — Сообщение М. Иностранцева о многосемейности Андогского подтверждается удостоверением, выданным в июле 1918 г. командованием большевистской 3-й армии «семье Начальника Военной Академиии РККА Андогского», в котором удостоверялось наличие в семье 6 детей. См.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 485, 488.

[50] Собрание оперативных телеграмм Главкома Вацетиса... С. 92; *Footman D.* Civil War in Russia. P. 314.

[51] РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 489–490, 491–491 об.

[52] *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии... С. 16, 100–108.

[53] РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 34, 38–38 об.

[54] ИН. 1918. № 170. 23 ноября.
[55] РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 34, 38 об.

Kaminsky V. V. Some particulars of the «voyage» of the Nicolas Academy of the General Staff from Ekaterinburg to Kazan' (July 23–24, 1918) (part I)

ABSTRACT: The current article is devoted to one of the notable facts of the Russian Civil War of 1918–1920 — a «travel» of the Nicolas Academy of the General Staff (AGSh) from Ekaterinburg to Kazan' (July 23–24, 1918). Firstly, the author makes an effort to prove the «unplanned character» of the «transition» of AGSh from «The Reds» to «The Whites» in August 1918. Secondly, the complete number of lecturers-genshtabists in The Red Army was more considerable than number in Army of Admiral Kolchak in spite of loss part of the Academic Staff by the «Reds». Thirdly, author looks through the destinies of some people who taught at the AGSh by the different stages of the period 1918–1920.

KEYWORDS: Nicolas General Staff Academy (AGSh), The Committee of Members of Founded Assembly (Komuch), The Red Army (RKKA), A. I. Andogsky, A. V. Kolchak, L. D. Trotsky.

AUTHOR: Ph. D. in history (Ashdod, Israel); svkamin@zahav.net.il

REFERENCES:

[1] Russian State Military Archive.
[2] *Vojnov V. M., Plotnikov I. F.* Akademiya General`nogo Shtaba // Ural`skaya istoricheskaya e`nciklopediya. Ekaterinburg, 2002.
[3] *Vojnov V. M.* Intelligenciya Urala v gody' revolyucii i grazhdanskoj vojny' (mart 1917–1920 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1991.
[4] *Kavtaradze A. G.* Voenny'e specialisty' na sluzhbe Respubliki Sovetov 1917–1920 gg. Moscow, 1988.
[5] *Kavtaradze A. G.* Sovetskoe Raboche-Krest`yanskoe Pravitel`stvo... priznalo neobxodimy'm i uchrezhdenie... vy'sshego voenno-uchebnogo zavedeniya // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2002. N 10.
[6] *Mawdsley E.* The Russian Civil War. Boston, 1987.
[7] *Kaminsky* V. V. A. I. Andogskij v dni «russkoj smuty'» v 1917–1919 gg. // Voprosy' istorii. 2008. N 11.
[8] *Kaminsky V. V.* Vy'puskniki Nikolaevskoj Akademii General`nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii. St. Petersburg, 2011.
[9] *Alekseev M.* Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II. Kn. 1. Moscow, 1998.
[10] *Bonch-Bruevich M. D.* Vsya vlast` Sovetam. Moscow, 1964.
[11] *Kavtaradze A. G.* Krupny'j voenny'j istorik V. F. Novickij // Pervaya Mirovaya vojna. Prolog XX veka. Moscow, 1998.
[12] *Denikin A. I.* Ocherki russkoj smuty'. T. 2: Bor`ba generala Kornilova (avgust 1917 g. — aprel` 1918 g.). Moscow, 1991.
[13] *Okunev N. P.* Dnevnik moskvicha 1917–1924 gg. Paris, 1990.
[14] *Stepun F.* By'vshee i nesby'vsheesya. St. Petersburg, 2000.
[15] *Patterson M. J.* Moscow Chekists during The Civil War, 1918–1921: Ph. D. dissertation. Simon Fraser University, 1991.
[16] Bol`shoj E`nciklopedicheskij Slovar`. M., 1994.
[17] *Gercog Lejxtenbergskij.* Kak nachalas` «Yuzhnaya Armiya» // Arxiv Russkoj Revolyucii. T. 8. Berlin, 1923.
[18] *Papakin G. V.* Pavel Petrovich Skoropadskij // Voprosy' Istorii. 1997. N 9.
[19] *Ippolitov G. M.* Denikin. Moscow, 2000.
[20] Russian Federation State Archive.
[21] *Budberg A. P.* Dnevnik. 1919 god // Arxiv Russkoj Revolyucii. T. 14. Berlin, 1924.
[22] Izvestiya Narkomata po voenny'm delam. 1918. N 170. 23 November.
[23] *Footman D.* Civil War in Russia. Connecticut, 1961.
[24] *Boldyrev V. G.* Direktoriya, Kolchak, interventy'. Novonikolaevsk, 1926.
[25] *Arnoldov L.* Zhizn` i revolyuciya. Shanghai, 1935.
[26] *Gopper G.* Chety're katastrofy'. Vospominaniya. Riga.